

ВОЛОГОДСКАЯ ССЫЛКА ЛУНАЧАРСКОГО

Статья И. П. Кохно

Царское самодержавие издавна считало Вологодскую губернию одним из наиболее подходящих мест для ссылки своих политических противников. Гранича на юге с Ярославской губернией, а на севере с Архангельской, охватывая огромные лесные массивы, Вологодчина до революции была по преимуществу краем сельскохозяйственным, отсталым в экономическом и культурном отношении. В. И. Ленин отмечал, что к северу от Вологды лежат необъятные пространства, где «царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹. Сосланные сюда революционеры были очень удалены и от фабрично-заводских районов, и от университетских городов, где их деятельность могла быть особенно опасной для властей.

История Вологодской губернии неразрывно связана с отбывавшими там срок политическими ссыльными. Их было много — сначала декабристы, потом народники, а с конца 1890-х годов социал-демократы, эсеры и представители других революционных и оппозиционных организаций. Более двух лет (1902—1904) прожил здесь также и Луначарский.

Годы, проведенные Луначарским в Вологодской губернии, явились значительным этапом в его жизни, революционной деятельности и литературной работе. Этому периоду он уделил довольно большое место в своей книге «Великий переворот»², а также посвятил отдельный очерк «Из вологодских воспоминаний»³. Характеризуя жизнь Луначарского этого времени, обычно ограничиваются названными мемуарами и мало обращаются к другим источникам.

Среди знакомых Луначарского в Вологде был местный фельдшер И. Е. Ермолаев, сыгравший впоследствии немалую роль при установлении Советской власти на Вологодчине. Во время пребывания там Луначарского он выполнял обязанности его секретаря. Перу Ермолаева принадлежат воспоминания, в которых содержатся ценные сведения о вологодских политических ссыльных, и целая глава там посвящена Луначарскому⁴. Однако, как ни интересны воспоминания Луначарского и Ермолаева, авторы их невольно ограничивались кругом своих впечатлений; к тому же писали они о событиях двадцатилетней давности, отсюда беглость отдельных характеристик, фактические неточности, ошибки в датах⁵.

Весьма существенным дополнением к воспоминаниям Луначарского и Ермолаева являются документы Вологодского областного архива из фондов канцелярии вологодского губернатора, полицеймейстера и губернского жандармского управления. Отдельные официальные документы из секретной переписки, касающейся Луначарского, находятся в Тотемском краеведческом музее. Все они рисуют хотя и не совсем полную, во многом одностороннюю, но достаточно выразительную и, главное, фактически точную картину пребывания Луначарского на Вологодчине, его отношений с местными властями. Некоторые существенные данные содержат и материалы газеты «Северный край», в которой сотрудничал Луначарский в период ссылки.

Укажем еще один источник, который совершенно не привлекался исследователями. Это воспоминания жителей Тотьмы. Они были записаны в 1925 г. в связи с 50-летием Луначарского для местного краеведческого музея и с тех пор хранятся там в рукописном виде. Все эти источники, мемуарные, архивные и газетные, позволяют более подробно и точнее, чем прежде, проследить жизнь и деятельность Луначарского в Вологодской губернии.

Первое упоминание о нем в Вологодском архиве относится к 18 января 1902 г. В секретном отношении начальника Вологодского губернского жандармского управления полицеймейстеру указывалось, что «начальник Киевского губернского жандармского управления от 12 сего января за № 183 сообщил о разрешении им состоящему под особым надзором полиции в селе Полотняный Завод Калужской губернии дворянину Анатолию Васильевичу Луначарскому переехать на жительство в г. Вологду»⁶. Вследствие этого вологодскому полицеймейстеру предписывалось учредить за Луначарским, как только он прибудет в Вологду, особый надзор.

Что же заставило Луначарского просить о разрешении переехать именно в этот город? Во время своего пребывания в Калуге Луначарский познакомился и сблизился с Александром Александровичем Малиновским, более известным под псевдонимом Богданов. Он был старше Луначарского на два года и ко времени их знакомства был уже автором книг «Краткий курс экономической науки» (1897) и «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899). Полиция знала его как активного участника социал-демократических организаций в Туле, Харькове, Твери, Калуге.

В 1901 г. Богданова выслали в Вологду, где он вскоре занял одно из ведущих мест среди ссыльных.

В письмах Богданов настойчиво звал Луначарского в Вологду, рассказывая о здешней интенсивной культурной и политической жизни. Там в это время находилась большая колония политических ссыльных, среди которых было немало знакомых Луначарского по Киеву. Неудивительно, что он решил переехать в этот неизвестный ему до тех пор город.

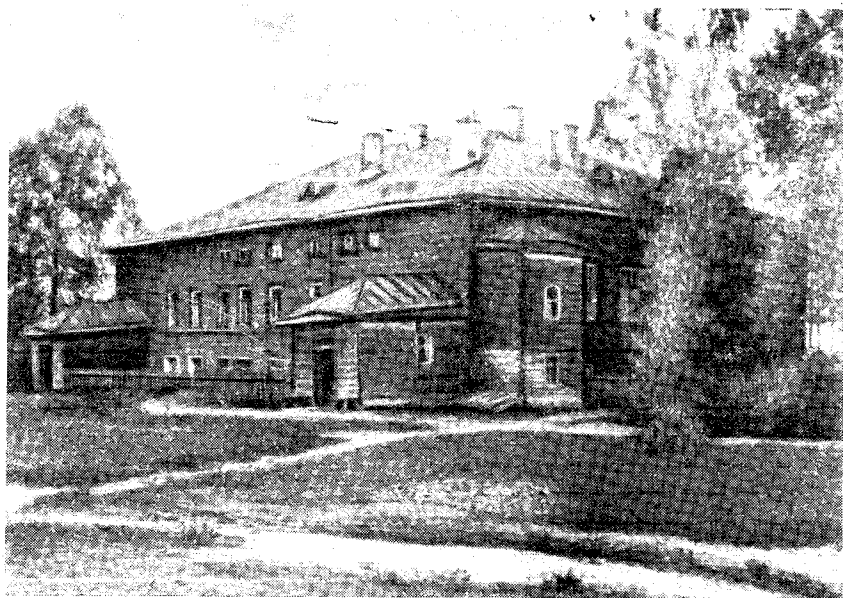
26 января 1902 г. он выехал из села Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии, о чем была поставлена в известность вологодская полиция⁷. А 6 февраля пристав 3-го участка г. Вологды докладывал полицеймейстеру: «На предписание от 25 января с. г. за № 29 имею честь донести вашему высокоблагородию, что состоящий под особым надзором полиции дворянин Анатолий Васильевич Луначарский прибыл в вверенный мне участок 2 сего февраля и временно остановился в доме Гусева, а 4 февраля выбыл на жительство в Вологодский уезд в село Кувшиново к доктору Малиновскому»⁸.

В Вологду Луначарский приехал до вынесения приговора по «московскому делу»⁹. Поэтому жандармерия, разрешив ему переезд из Калужской губернии в Вологду, постоянно держала его под надзором.

Начальник Вологодского жандармского управления писал уездному исправнику 16 февраля 1902 г.: «Привлеченный при Киевском губернном жандармском управлении к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 252 и 318 ст. Уложения о наказаниях и отданный под особый надзор полиции дворянин Анатолий Васильевич Луначарский, как сообщил вологодский полицеймейстер, в настоящее время выбыл из г. Вологды в село Кувшиново Вологодского уезда, а потому прошу ваше высокоблагородие учредить за ним особый надзор полиции во время проживания его во вверенном вам уезде». 22 февраля 1902 г. пристав 2-го стана уже сообщил уездному исправнику, что в соответствии с его распоряжением особый надзор полиции за Луначарским учрежден. Этот рапорт исправник переслал в Вологодское жандармское управление¹⁰.

В селе Кувшинове Богданов, врач по специальности, работал в местной психиатрической лечебнице. Условия работы были трудные: на 300 больных только два врача¹¹. Богданов и Луначарский жили в небольшом деревянном домике при лечебнице (дом сохранился доныне), время от времени совершая поездки в город.

Тон в вологодской колонии ссыльных задавали социал-демократы. Среди них, кроме Богданова, следует назвать литераторов и статистиков П. П. Румянцева и С. А. Су-

ДОМ В ПОСЕЛКЕ КУВШИНОВО. ЗДЕСЬ в 1902 г. у А. А. БОГДАНОВА ЖИЛ
ЛУНАЧАРСКИЙ

Фотография В. Н. Андрианова, 1967

Музей «Революционная деятельность большевиков в вологодской ссылке», Вологда

ворова, будущих сотоварищей Луначарского по философским сборникам и журналам, одного из участников I съезда РСДРП П. Л. Тучапского и его жену В. Г. Крыжановскую, старого агента «Искры» И. А. Саммера и хорошо известную Луначарскому по подпольной работе в Москве О. Г. Смидович.

В Вологде под надзором полиции жил Б. В. Савинков. Луначарский впоследствии метко назвал Савинкова «артистом авантюры», определив тем самым и его незаурядные способности и характер его политической деятельности. В Вологде будущий лидер эсеровской партии часто выступал на собраниях с критикой социал-демократов, упрекая их в крохоборчестве и трусости. Понятно, что социал-демократы не отмалчивались в таких случаях.

Встретился Луначарский и с Н. А. Бердяевым, знакомым ему еще по Киеву. Теперь Бердяев мог представлять интерес лишь как идейный противник; о начавшейся стремительной эволюции его от легального марксизма к православию и мистике Луначарский и Богданов были хорошо осведомлены.

Среди новых знакомых Луначарский называет и писателя А. М. Ремизова, автора стилизаций в духе русской сказочной старины, и будущего известного историка и пушкиниста П. Е. Щеголева.

Как видим, вологодская колония представляла довольно пеструю картину: социал-демократическая интеллигенция, эсеры-террористы, кадетствующие либералы, философы и писатели с явным уклоном в сторону декадентства, ученые-историки. Все они были враждебно или оппозиционно настроены к царскому самодержавию, и это до известной степени их сближало. Как свидетельствует Луначарский, ожесточенные дискуссии не мешали ссыльным сохранять добрососедские отношения и поддерживать друг друга в трудную минуту. В этом мире предстояло жить и Луначарскому.

Наиболее сошелся он с Богдановым. Жизнь под одной крышей и общность взглядов по многим вопросам философии сделали Богданова и Луначарского единомышленниками на несколько ближайших лет. Богданов, имевший большой опыт революцион-

ной борьбы, сыграл немалую роль в партийном самоопределении и политической судьбе Луначарского. Именно он помог Луначарскому разобраться во внутрипартийных разногласиях после II съезда РСДРП и стать на позиции большинства. Срок трехлетней ссылки Богданова кончился 31 декабря 1903 г.¹² В дальнейшем он едет в Швейцарию, принимает активное участие в августовском (1904 г.) совещании большевиков. Через Богданова о Луначарском как о многообещающем публицисте узнал В. И. Ленин — он встретился с Луначарским в декабре 1904 г.¹³ в Париже и ввел его в редакцию большевистской газеты «Вперед».

Когда Луначарский приехал в Вологду, ему было 26 лет, он находился в расцвете физических и духовных сил. Предшествующие годы были для него преимущественно периодом накопления знаний, вологодский период явился началом активной отдачи этих знаний, началом его литературно-публицистической деятельности. Именно здесь впервые проявилась всегда изумлявшая очевидцев способность Луначарского работать исключительно интенсивно и плодотворно. И. Ермолаев рассказывает, например, о том, как писалась статья «Трагизм жизни и белая магия». «Статья против Бердяева была написана в 1 час и 10 минут почти на глазах моих и А. А. Богданова и нам прочитана. Такая быстрота работы повергала не только меня, но и Александра Александровича в изумление, хотя я к этому был несколько подготовлен тем, что Анатолий Васильевич стихами переводил с немецкого на русский не менее 30 стихов в час»¹⁴.

Многие статьи Луначарского вырастали из его устных выступлений, докладов. Статья, упоминаемая Ермолаевым, тоже была вначале рефератом, с которым выступил Луначарский на одном из собраний. Для лиц, подобных Бердяеву, утверждал Луначарский, действительность страшна, познать смысл жизни им не дано, и потому остается создавать всевозможные метафизические системы. Идеализм Бердяева и его единомышленников — это «белая магия», чуждая современным реально мыслящим людям. Констатируемый Бердяевым трагизм жизни, трагизм любви и трагизм сознания, как показывал Луначарский в этой статье, разрешимы в процессе творческой деятельности, борьбы за изменение условий существования, реальных, а не надуманных взаимоотношений людей.

Луначарский рассказывает, что первые же его выступления в Вологде принесли ему широкую известность среди местной интеллигенции, особенно молодежи. Влияние Бердяева резко упало, он не решался на публичные возражения своему критику. Вскоре он уехал из Вологды в Житомир¹⁵.

В то время как Луначарский знакомился с Вологодой, дискутировал на философские темы, а полицейские следили за каждым его шагом, в высших правительственных сферах решалась его судьба.

Положение Луначарского определилось весной 1902 г., когда был вынесен приговор. По «киевскому делу» его оправдали, и 12 мая вологодский губернатор Л. М. Князев сообщил об этом полицеймейстеру¹⁶. В мае состоялось решение и по «московскому делу». Министр юстиции Н. В. Муравьев направил 15 мая 1902 г. министру внутренних дел В. К. Плеве отношение следующего содержания: «Государь император по всеподданнейшему докладу моему обстоятельств дела о дворянине Анатолии Луначарском, обвиняемом в государственном преступлении, в 15 день мая 1902 г. высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы выслать Анатолия Луначарского под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на два года. О таковой монаршей воле имею честь уведомить ваше превосходительство, вследствие отношений от 9 декабря 1900 и 20 января 1902 г. за № 5303 и 306, для зависящих с вашей стороны распоряжений о приведении означенного высочайшего повеления в исполнение, присовокупляя, что об изложенном мною одновременно с сим поставлен в известность прокурор Московской судебной палаты»¹⁷.

7 июня Министерство внутренних дел уведомило об этом решении вологодского и вятского губернаторов. Первый предписал вологодскому уездному исправнику принять все необходимые меры для отправки Луначарского в Вятскую губернию. Начальник же последней назначил местом жительства нового ссыльного уездный город Орлов (в настоящее время г. Халтурин), о чем сообщал вятскому полицеймейстеру и орловскому исправнику в своих предписаниях от 27 июня 1902 г.¹⁸

Луначарскому о приговоре стало известно 18 июня 1902 г. В этот день ему дали прочитать следующий документ: «От департамента полиции объявляется дворянину Анатолию Васильеву Луначарскому, что на основании высочайшего повеления, последовавшего в 15 день мая 1902 года в разрешение дознания по обвинению его в государственном преступлении, он, Луначарский, подлежит высылке под надзор полиции в Вятскую губернию сроком на два года, считая с 15 мая 1902 года».

На обороте читаем: «Настоящее постановление мне объявлено 18 июня 1902 года. Дворянин Анатолий Луначарский»¹⁹.

Тогда же было заготовлено проходное свидетельство № 32 на переезд в Вятку: в нем был подробно указан маршрут следования. Свидетельство было датировано июнем 1902 г., но день отправки не был указан²⁰.

Итак, новая ссылка, новые мытарства. Ясно, что Луначарскому не хотелось покидать гостеприимную Вологду, в которой он за короткое время успел обжиться, приобрести много новых интересных знакомств.

Одно из них вскоре изменило личную жизнь молодого революционера: он женился на сестре Богданова — Анне Александровне Малиновской. Из записи в книге Николо-Владыченской церкви в Вологде мы узнаем, что венчание состоялось 1 сентября 1902 г., что невесте было 19 лет, а жениху — 26, что поручителем «по женихе» был «потомственный почетный гражданин Сергей Александрович Суворов», «по невесте» — «фельдшер уездного земства Иван Ефимович Ермолаев»²¹. Впоследствии Ермолаев вспоминал, как Луначарский сообщил ему о своем намерении жениться. Когда Ермолаев высказал мнение, что революционер должен быть абсолютно свободен, чтобы проявлять максимум работоспособности и самопожертвования, он получил «сразивший» его ответ Луначарского: «Я многогранен...»²²

Узнав о новой ссылке, Луначарский обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством, в котором просил заменить Вятку на Вологду. Свою просьбу он мотивировал плохим состоянием здоровья, приложив к прошению медицинское свидетельство из Вологодской лечебницы для душевнобольных. Нетрудно догадаться, что к выдаче свидетельства был причастен Богданов.

Вологодский губернатор Князев был, по отзывам либеральной газеты, человеком мягким и снисходительным, ревностным участником начинаний местной интеллигенции²³. Он пошел навстречу Луначарскому и распорядился оставить его в покое до получения ответа из Петербурга²⁴.

Как отнеслись там к просьбе Луначарского, выясняется из переписки между министром внутренних дел и министром юстиции. 4 декабря 1902 г. Плеве писал Муравьеву:

«На основании высочайшего повеления, последовавшего 15 мая сего года по всеподданнейшему вашего высокопревосходительства докладу, дворянин Анатолий Луначарский, проживавший в с. Кувшинове Вологодской губ., подлежал за противоправительственную пропаганду среди рабочих высылке под гласный надзор полиции в Вятскую губернию сроком на два года, но ввиду представленного Луначарским медицинского свидетельства заведующего Вологодской лечебницей для душевнобольных о том, что названное лицо, страдающее тяжелой формой неврастении, нуждается в постоянном и внимательном наблюдении со стороны врача-специалиста, Луначарскому было разрешено временное пребывание в Вологодской губернии. В ноябре с. г. Луначарский, указывая, что здоровье его все еще не поправилось, обратился с ходатайством о разрешении ему остаться в Вологодской губ. до истечения определенного ему срока надзора полиции. Об изложенном имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, присовокупляя, что я, с своей стороны, не встречаю препятствий к удовлетворению ходатайства просителя. Министр внутренних дел статс-секретарь П л е в е»²⁵.

Изменить первоначальное царское решение мог только царь — так Николаю II пришлось в 1902 г. вторично услышать имя Луначарского. 29 декабря министр юстиции Муравьев пишет министру внутренних дел Плеве и прокурору Московской судебной палаты Посникову: «Государь император по всеподданнейшему докладу моему в 26 день декабря 1902 г. все милостивейше повелеть соизволил разрешить Анатолию Луначарскому отбывать остающийся срок назначаемого ему высочайшим повелением 15 мая 1902 г. гласного надзора в Вологодской губернии»²⁶.

Таким образом, Луначарский остался в Вологде под надзором местных властей. К тому времени, когда в Вологду пришло официальное распоряжение об оставлении Луначарского, у этих властей было уже достаточно причин пожалеть о своей первоначальной снисходительности. Правда, Князева в Вологде уже не было: летом 1902 г. он был переведен в Кострому. А 8 декабря в Вологду прибыл новый губернатор А. А. Лодыженский²⁷.

Луначарский в воспоминаниях отзывался о нем как о либерале, позднее даже пострадавшем от черносотенцев. Но в отношении с Луначарским новый губернатор показал себя с непривлекательной стороны.

Для того, чтобы понять дальнейшие события, необходимо остановиться на малоизвестной стороне литературной работы Луначарского, имевшей, однако, для автора большие и неожиданные последствия.

Газета «Северный край» предложила Луначарскому писать корреспонденции о событиях вологодской культурной жизни. Эта прогрессивная газета издавалась в Ярославле и имела корреспондентов в Вологде, Архангельске, Костроме и других северных городах России. Поскольку в газете сотрудничали ссыльные и публикуемые материалы нередко были критическими по отношению к местным властям, многие статьи были анонимными или подписывались псевдонимами. Луначарский подписывал свои корреспонденции инициалами А. Л.

В них он регулярно информировал читателей о новинках театрального сезона 1902—1903 гг. в Вологде. Местную труппу он считал неплохой, тем более что она время от времени усиливалась талантливыми гастролерами. Однако рецензент отмечал и недостаточно высокий художественный уровень игры отдельных актеров, самонадеянно бравшихся за трудные роли без нужной подготовки.

Вологодский репертуар, по словам Луначарского, был «как две капли воды похож на обычный, не особенно высокий репертуар провинциальных театров»²⁸. Ставились пустые комедии и водевили, вроде «Не так страшен чёрт, как его малюют» или «Съехались, перепутались и разъехались». Но исполнялись и «хорошие, не очень заигранные пьесы». Были и заслуживающие внимания произведения современных авторов. К числу «безусловно интересных пьес» Луначарский относил, например, «Мещан» Горького и «Детей Ванюшина» Найденова, одну из лучших исторических драм Сарду «Граф де Ризоор» (подлинное название — «Родина») и драму Шницлера «Дикий». Не была забыта и классика: «Горе от ума», «Гамлет», пьесы Шиллера. В одной из рецензий Луначарский с одобрением говорил об инсценировке «Господ Головлевых», отмечая, что «бессмертный тип Иудушки допускает бесконечное совершенство сценической передачи». Особенно высокую оценку Луначарский дал гастрольным спектаклям одного из крупнейших представителей героико-романтического направления на сцене тех лет — Ф. П. Горева. Сильнейшее впечатление на рецензента произвело исполнение Горевым роли короля Лира. Оно напомнило ему таких выдающихся мастеров сцены, как Эрнесто Росси и Миттерверцлер.

В ряде случаев Луначарский не ограничивался информацией о спектакле и разбором игры актеров. Он высказывается по общим вопросам литературы и искусства, и эти-то высказывания представляют наибольший интерес.

В творческой позиции Луначарского было немало моментов, сближавших его с Горьким. Оба они еще в период подготовки первой русской революции, когда один был уже прославленным писателем, а другой — политическим ссыльным и начинающим литератором, выражали неудовлетворенность состоянием современной литературы и театра, и оба обращались к романтике как к самому действенному направлению искусства.

Так же, как и Горький, Луначарский видел путь оздоровления театрального искусства в развитии мелодрамы. Он полагал, что хотя этот жанр изрядно опошлен буржуазией, все же романтически приподнятое и увлекательное искусство более всего необходимо современному зрителю. Ради этих достоинств мелодрамы критик готов был простить ее недостатки.

Скромные рецензии и обзоры, затерянные на страницах провинциальной газеты, были первыми опытами Луначарского в области театральной критики.

С П И С О К

О С О С Т О Я Н И И
 РАСПИСАНИЕ ПОД ГЛАСНЫМ НАДЗОРОМ АНАТОЛИИ ВАСИЛЬЕВНЕ ЛУНАЧАРСКОМ
 С О С Т А В Л Е Н
 16 июля 1902 г.

В О П Р О С	О Т В Е Т
1. Как, почему, когда и где?	Анатолий Васильевич Луначарский, део- рмент
2. Какое родило	Третья Пинкель.
3. Вспомогательное	Третья Пинкель
4. Л и т е р а т у р а	26. Июльский
5. Практическое значение	Анатолий Васильевич Луначарский, део- рмент

16	Иметь ли родство какое либо сестры	Отец и мать родились в семье сестры, мать - дева
17.	По какому расхождению и на что именно учреждение имени поименован?	По расхождению имени по расхождению имени по расхождению имени
18	Сколько раз было и с кем из друзей его род- ство сестры	Всего было 15 раз 1901 года
19	Куда выехали все из школы учиться и куда его отправили.	В. Васильевич учился в школе всем вместе с сестрой

— Писатель

«СПИСОК О СОСТОЯНИИ ПОД ГЛАСНЫМ НАДЗОРОМ АНАТОЛИИ ВАСИЛЬЕВНЕ ЛУНАЧАРСКОМ»
 Заполнен рукой Луначарского. Вологда, 16 июля 1902 г.

Листы 1, 2 об.

Краеведческий музей, г. Тотьма

Сотрудничество Луначарского в «Северном крае» было непродолжительным: оно длилось с ноября 1902 г. по февраль 1903 г. В последней рецензии, напечатанной 23 февраля, Луначарский успел подвести итоги ~~заканчивавшегося~~ на масленичной неделе театрального сезона. Дальше посылать свои корреспонденции из Вологды он не имел возможности: в его жизнь и работу вмешались губернские власти, которые уже давно с беспокойством следили за его деятельностью.

В полицейских сведениях о политических ссыльных, проживавших в Вологодской губернии, поведение Луначарского за февраль, март и апрель 1902 г. охарактеризовано лаконичной фразой: «Ничего не замечено»²⁹; но уже в июле 1902 г. о нем сказано: «Поведения неодобрительного. Ведет знакомство со всеми поднадзорными и покровительствует им»³⁰.

В конце 1902 г. отношения с губернским начальством стали еще более напряженными. Можно думать, что оно ожидало только повода для применения репрессий. Повод дал сам Луначарский. Молодой критик писал не только о профессиональном театре, который посещала, главным образом, интеллигенция и привилегированная или зажиточная часть горожан. Его внимание привлекли и любительские спектакли для народных низов, для рабочих. И первая корреспонденция А. Л., появившаяся в «Северном крае» 27 ноября 1902 г., называлась «Народный спектакль в казенном винном складе в г. Вологде» (см. приложение).

Посещая народные зрелища, Луначарский, разумеется, стремился проникнуть в рабочую среду, сблизиться с рабочими. Есть основания утверждать, что эти попытки не остались безрезультатными. Лодыженский, подводя итоги пребывания Луначарского в ссылке, писал о нем:

«В бытность в г. Вологде был замечен в тесном общении с рабочими Вологодского казенного винного склада, которые под влиянием его, Луначарского, начали вести себя беспокойно»³¹.

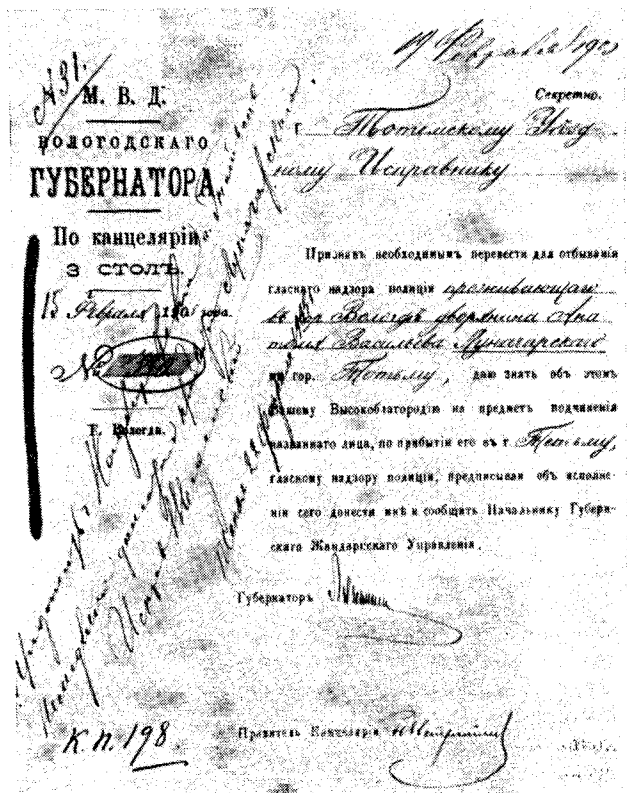
И в самой корреспонденции Луначарского о спектакле прозвучали неприемлемые для начальства критические ноты. Автор очень доброжелательно оценил игру актеров-любителей в пьесе Островского «На бойком месте», с большим тактом характеризовал несколько неожиданную реакцию зрителей-рабочих на некоторые эпизоды пьесы, но с явным осуждением сказал о пренебрежительном отношении устроителей спектакля к рабочим и работницам, которых заставили несколько часов простоять в задних рядах: все лучшие места заняли чиновники акцизных сборов и члены их семей, хотя спектакль, казалось бы, был предназначен для народа. Обеспокоенная такой критикой, администрация винных складов пыталась ограничить круг приглашаемых на спектакли посторонних лиц, чтобы туда не проникали «корреспонденты». Однако газета вновь вернулась к этой теме.

20 января 1903 г. в «Северном крае» появляется ядовитая заметка «Увеселения для рабочих». Анонимный автор писал: «В винном складе на рождественских праздниках устраивались спектакли „для рабочих“ <...> Но хотя спектакль устроен был для рабочих, главными зрителями были знакомые чиновников и управляющего, рабочие же сидели на последних скамейках или стояли где-нибудь в углу <...> Отметим как курьез, что некоторые устроители покорнейше просили служащих не вводить „корреспондентов“»³². Нетрудно заметить, что содержание этой заметки перекликается с корреспонденцией А. Л. от 27 ноября 1902 г. Очень вероятно, что Луначарский был причастен к написанию и второй заметки, хотя он в дальнейшем, возможно по тактическим соображениям, отрицал это.

В дело вмешался управляющий акцизными сборами Вологодской губернии В. Миквиц. Это он был организатором «увеселений для рабочих» и теперь почувствовал себя кровно обиженным. В «опровержении», помещенном в газете, Миквиц писал: «Значение театра ни на йоту не умаляется от того, что зритель воспринимает впечатления не из первого ряда, а из девятого ряда <...> Они <рабочие> занимали в зале, конечно, последние ряды, потому что принуждать их садиться в первые — неразумно, бесцельно и наивно»³³.

Отвратительная физиономия барина-филантропа, презирающего рабочих, обнаружилась здесь со всей наглядностью. Нелепые увертки Миквица вскоре были высме-

РАСПОРЯЖЕНИЕ
ВОЛОГОДСКОГО
ГУБЕРНАТОРА
ТОТЕМСКОМУ УЕЗДНОМУ
ИСПРАВНИКУ
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ
НАДЗОРА
ЗА ЛУНАЧАРСКИМ
15 февраля 1903 г.
Краеведческий музей,
г. Тотьма

яны в газетной статье за подписью «Хмурый»³⁴. Но последнее слово осталось за Луначарским.

«Стремление г. Миквица рассматривать увеселения как дело „семейное“, — писал Луначарский в письме в редакцию, напечатанном 6 февраля 1903 г., — очень характерно; мы же думаем, что общество крайне заинтересовано в том, насколько целесообразно тратятся суммы, отпускаемые правительством для увеселений, так как акцизное ведомство в данном случае должно показать пример разумной борьбы с пьянством, развития в рабочем новых и удовлетворения уже существующих культурных потребностей. Мы не имеем прямого отношения к заметке, напечатанной в № 18, но склонны верить указанным в ней фактам, так как они совпадают не только с нашими собственными наблюдениями, но и с фактами, установленными самим г. Миквицем»³⁵.

Письмо было подписано не обычными инициалами, а полным именем и фамилией автора. Тем самым Луначарский открыто признал свою принадлежность ко всей этой «акцизно-театральной истории».

Потерпев поражение в публичном споре с Луначарским, Миквиц обратился за помощью к властям и тут нашел полное понимание и поддержку. Губернатору Лодыженскому были известны и другие факты «возмутительного» поведения Луначарского, его резкие выступления на собраниях ссыльных, и начальник губернии решил перевести беспокойного поднадзорного из Вологды в Тотьму.

Распоряжение о высылке Луначарского в Тотьму последовало 15 февраля 1903 г., и в тот же день об этом намерении властей были посланы официальные сообщения вологодскому полицеймейстеру и тотемскому уездному исправнику³⁶. Самому Луначарскому предписание губернатора стало известно 19 февраля³⁷.

«Ехать я отказался, — вспоминал через двадцать лет Луначарский. — Тогда меня послали этапом. Я поехал до города Кадникова. Там остановился и взял свидетельство

о болезни, прожил пару дней в Кадникове, получил заранее условленную телеграмму от жены, что она чувствует себя плохо, и самовольно вернулся в Вологду»³⁸.

Хранящиеся в Вологодском архиве и Тотемском краеведческом музее документы подтверждают воспоминания Луначарского и позволяют точно датировать эти важные факты его жизни. 22 и 23 февраля супруги Луначарские обратились в Министерство внутренних дел с просьбой об оставлении в Вологде ³⁹. Но губернатор не стал дожидаться указаний министерства, и 23 февраля 1903 г. Луначарский вынужден был покинуть Вологду, имея на руках проходное свидетельство № 43 ⁴⁰.

24 февраля Луначарский прибыл в Кадников — уездный город на пути в Тотьму, но продолжать поездку из-за болезни не смог.

«Дворянин Анатолий Васильевич Луначарский заболел инфлюэнцией, так что по свидетельству кадниковского земского врача от 24 сего февраля за № 57 выехать из Кадникова к месту назначения в г. Тотьму не может впредь до выздоровления»⁴¹, — писал кадниковский исправник в Тотьму. В своих воспоминаниях Луначарский пишет только о нескольких днях, проведенных в Кадникове, в действительности он прожил там более продолжительное время — с 24 февраля по 15 марта.

16 марта начальнику Вологодского жандармского управления было направлено секретное сообщение: «Доношу вашему высокоблагородию, что переведенный из г. Вологды в г. Тотьму гласноподнадзорный дворянин Анатолий Васильев Луначарский 15 сего марта из г. Кадникова самовольно отлучился и прибыл по железной дороге в г. Вологду, где и был задержан на станции Вологда и отправлен г. вологодским полицеймейстером в 1-й полицейский участок. Луначарский вещи свои отправил багажом до станции Вологда и при себе имел только небольшой сверток. Унтер-офицер Дуванин»⁴².

Из письма кадниковского исправника тотемскому мы узнаем некоторые подробности самовольного возвращения. 15 марта Луначарскому было вручено новое проходное свидетельство, и он отправился по почтовому тракту до Тотьмы, но, проехав несколько верст, свернул с дороги, добрался до железнодорожной станции Маржега, а оттуда уехал поездом в Вологду ⁴³.

16 марта вологодский полицеймейстер Траковский в присутствии понятых производил осмотр вещей Луначарского, о чем был составлен большой, на трех листах, акт. В плетеной корзине были обнаружены книги и журналы преимущественно философского содержания на русском и немецком языках, кое-что из белья, множество рукописных материалов и в том числе «исписанный лист бумаги большого формата, почтовый линованный, на последней странице которого изображена человеческая голова, рисованная карандашом, с головным убором, похожим на архиерейскую митру с крупной на ней надписью „Подлец“»⁴⁴.

По воспоминаниям Луначарского, после ареста на станции он был препровожден в тюрьму, где ночевал, а днем его под конвоем отпускали домой. Губернатор хотел проявить строгость к непокорному ссыльному, и вместе с тем он не мог не считаться с довольно большой известностью Луначарского. 18 марта Луначарский пишет прошение в Вологодское жандармское управление: «Господином полицеймейстером доставлены в Вологодское жандармское управление мои книги и рукописи. Так как среди них находится начатая мною литературная работа, составляющая мой заработок, то я имею честь покорнейше просить о скорейшем возвращении мне оных книг и рукописей, коим составлена опись».

Резолюция, наложенная на прошении, гласит: «Вследствие крайней неразборчивости почерка рукописи еще не окончены просмотром, после которого все не имеющее для дела значения будет возвращено, о чем и уведомить через канцелярию просителя. 19 марта 1903 г.»⁴⁵

На следующий день ему все же вернули книги и некоторые рукописи. Что же касается листа с рисунком, то он показался вологодским жандармам особо подозрительным, и потому его еще на второй день после обыска отправили в Петербург в департамент полиции ⁴⁶.

Судя по всему, и в Петербурге не поняли, кто изображен на крамольном рисунке, кого Луначарский называет «подлецом», и потому вице-директор департамента полиции

Языков 24 марта 1903 г. информировал начальника вологодского жандармского управления о том, что «отобранный у Анатолия Луначарского 15 сего марта рисунок, указывающий на политическую неблагонадежность названного лица и являющийся основанием к переводу его в более отдаленную местность, препровожден на усмотрение вологодского губернатора»⁴⁷.

Между тем Луначарский, обеспокоенный отсутствием части рукописей, 18 апреля послал в губернское жандармское управление следующее прошение: «Из рукописей моих, задержанных г. вологодским полицеймейстером и переданных жандармскому управлению, удержаны некоторые листы и тетради, составляющие первую часть повести, озаглавленной „Подлец“ и приготовленной к печатанию в одном ежемесячном журнале. Рукопись эта имеет для меня, помимо значения нравственного, материальную ценность 300—400 рублей и не представляет из себя абсолютно ничего нелегального или предосудительного. Я с удовольствием готов прочесть ее лицу, назначенному жандармским управлением. Во всяком случае покорнейше прошу по возможности скоро возвратить мне мою работу.

Дворянин Анатолий Луначарский

Тотьма, 18 апреля»⁴⁸.

Сейчас трудно сказать, что представляла собой эта рукопись с рисунком. Никаких следов ее в архивах пока не обнаружено. Известно только, что перспектива новой встречи с Луначарским, во время которой он будет читать им свою повесть, не очень улыбалась вологодским жандармам. На прошении была наложена лаконичная резолюция: «Отправить рукопись Луначарскому»⁴⁹. Так Луначарский вышел победителем из этого столкновения. 24 апреля 1903 г. оставшиеся в вологодской жандармерии рукописи были отправлены Луначарскому⁵⁰.

Уже из приведенного прошения Луначарского видно, что он в это время находился в Тотьме. Лодыженскому удалось-таки добиться своего и избавиться от строптивного ссыльного. Однако, прежде чем Луначарский попал в Тотьму, в Кадникове с ним произошли новые приключения, оставившие след в делах канцелярии вологодского губернатора.

Из Вологды Луначарский вторично был отправлен не через две недели после ареста, как он пишет в воспоминаниях⁵¹, а раньше, судя по всему 22 марта, ибо 23 марта он уже находился в Кадникове. В Кадникове он был посажен в тюрьму, в одну камеру с уголовниками, от которых заразился чесоткой. Причина новой задержки объясняется в следующем прошении Луначарского, направленном губернатору:

«Ваше превосходительство! Согласно вашему распоряжению я был отправлен в город Тотьму по этапу. Но по приезде в город Кадников для меня выяснилось, что я сделался жертвой какой-то административной ошибки. Вся масса неприятностей, обрушившихся на меня, как известно вашему превосходительству, стоила мне много здоровья, сил и денег, но, по-видимому, до конца она еще не исчерпана. Кадниковский воинский начальник не принял меня на этапе за неимением моей фотографической карточки. Кто тут не прав? Тот ли конвой, который вел меня без карточки в Кадников, или тот, который отказался вести в Тотьму, Губернское правление, не потрудившееся прислать карточку, или неукоснительное кадниковское начальство, — я не знаю, но в результате мой и без того тяжелый и долгий путь становится вдвое более долгим и тяжелым.

Покорнейше прошу, ваше превосходительство, принять меры для пресечения тяжелых для меня результатов какой-то административной путаницы и либо разрешить мне вернуться на свой счет в Вологду и ехать в Тотьму парохомом по открытии навигации, о чем я уже давно тшечно прошу, либо распорядиться о препровождении меня в Тотьму независимо от этапа, в чем мне было отказано местными властями. Прошу принять во внимание совершенно ненужные беспокойство и тревоги, причиняемые всеми этими трагедиями моей жене, положение которой, как известно вашему превосходительству, требует совершенного спокойствия. Надеюсь, что ваше превосходительство не вынудит меня ни за что ни про что просидеть неделю в Кадниковской тюрьме.

Дворянин Анатолий Луначарский

23 марта 1903 года. Кадников»⁵².

27 марта Лодыженский послал телеграмму в Кадников. Луначарскому было выдано проходное свидетельство, и 28 марта в час дня он вместе с урядником выехал к месту ссылки ⁵³. А через три дня тотемский исправник докладывал губернатору о том, что «дворянин Анатолий Васильев Луначарский в г. Тотьму прибыл 31 сего марта по проходному свидетельству кадниковского уездного исправника от 28 марта за № 64 и гласному надзору полиции, по положению 12 марта 1882 года, подчинен, о чем мною сообщено г. начальнику Вологодского жандармского управления»⁵⁴.

Как вспоминает Луначарский, ехали они в сильную распутицу, по дороге он заболел рожей — неудивительно, что через двадцать лет, в воспоминаниях, тяжкий путь этот показался ему вдвое длиннее, чем был на самом деле.

Наступил Тотемский период ссылки Луначарского. Тотьма была небольшим уездным городком Вологодской губернии с населением (по данным 1897 г.) 4947 человек ⁵⁵. После Вологды, где Луначарский жил среди молодежи, в атмосфере споров, новых знакомств, Тотьма, окруженная лесами и болотами, расположенная на берегу реки Сухоны, вдали от железной дороги, являлась настоящим захолустьем.

Тотемские воспоминания Луначарского окрашены в радужные тона. Он с восхищением пишет о северной природе, о поездках на санях сквозь серебряные зимние леса в соседний Спасо-Смуринский монастырь, где кормили хлебом, квасом и ухой, каких он ни до, ни после, никогда не едал, о своей ничем не прерываемой и очень успешной литературной работе, о безоблачной семейной жизни — Анна Александровна также вскоре приехала в Тотьму. Однако документы, находящиеся в делах канцелярии вологодского губернатора, вносят некоторые коррективы в эту идиллическую картину и позволяют утверждать, что летом 1903 г. Луначарские пережили довольно трудное время.

Уже в кадниковском прошении губернатору Луначарский намекает на беременность Анны Александровны. Известно, что в Тотьме она, ухаживая за больным мужем, сама слегла в тифу, так что первый ребенок их умер. 18 июня 1903 г. Луначарский послал в департамент полиции прошение о предоставлении ему отпуска для поездки в город Анапу Кубанской области. Одновременно в письме Лодыженскому он писал: «Несчастья, обрушившиеся на меня в городе Тотьме, грозят окончательно погубить мое здоровье и в корне испортить здоровье моей жены. Я твердо надеюсь, что ваше превосходительство будете столь добры и окажете все зависящее от вас содействие в деле получения соответствующего распоряжения»⁵⁶.

Не дожидаясь ответа департамента полиции, он вновь обращается к Лодыженскому с прошением, в котором подробно описывает трудное положение, в каком оказалась его семья:

«Вашему превосходительству известно, что мной подано в департамент полиции прошение об отпуске ввиду болезни моей и жены на четыре месяца в город Анапу. В настоящее время жена моя несколько оправилась, но чувствует себя крайне слабой, между тем сестра ее Мария Александровна Малиновская, продолжавшая ухаживать за нею, захворала, по-видимому, довольно серьезно. Сам я настолько переутомлен, что каждый день могу слечь, в каком случае вся моя больная семья окажется в крайне беспомощном состоянии. Ввиду всего вышеизложенного я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство разрешить мне переехать с семьей в Вологду, впредь до ответа департамента. Если ответ этот будет благоприятным, я, конечно, отправлюсь на юг, если нет, то в тот город, который мне будет указан для жительства.

Дворянин Анатолий Луначарский

Тотьма, июля 6, 1903 год»⁵⁷.

Губернатор разрешил Луначарскому отвезти Анну Александровну в Вологду, но при условии, что он немедленно возвратится в Тотьму. Из донесений вологодского полицеймейстера Лодыженскому видно, что Луначарский с женой прибыл в Вологду 7 июля, а уже 8 июля он должен был вернуться в Тотьму ⁵⁸.

Что же касается просьбы о временной отлучке в Анапу для лечения морскими купаниями, то телеграфный ответ департамента полиции гласил следующее:

Художником и мыслителем одновременно выступает Луначарский и в рассказах, названных им «маленькими фантазиями» и составивших с написанными позднее пьесами сборник «Идеи в масках» (1912 г.).

Луначарский всегда проявлял интерес к малоизвестным в России именам западноевропейских писателей. В Тотьме он усиленно занимается творчеством Н. Ленау. Он перевел его пьесу «Фауст» и написал статью «Н. Ленау и его философские поэмы», в которой показал, какой огромный мир образов и идей содержит творчество австрийского поэта и драматурга.

В эти же годы Луначарским были написаны многочисленные рецензии, а также журнальные заметки о современной русской литературе, о произведениях Чехова, Вересаева, Серафимовича, Гарина-Михайловского и других писателей-реалистов.

«Анатолий Луначарский — сотрудник журналов „Образование“, „Русская мысль“ и газеты „Курьер“ — такой автограф оставил он в визитационной книге Петровской ремесленной школы⁶³. Его первые статьи появились на страницах именно этих популярных изданий, где печатались произведения крупнейших писателей (в том числе Чехова, Мамина-Сибиряка, Короленко), где выступали известные ученые и критики. Луначарский, как видим, в эти годы сразу попал в большую литературу, сразу начал печататься в солидных органах печати, известных всей читающей России.

Напряженная работа заставила Луначарского обратиться к помощи секретарей-перепищиков из числа местных жителей. Один из них Л. Г. Панфиловский — в то время служащий Тотемского земства — рассказывает: «Работа моя состояла в том, что я записывал в тетрадь под диктовку А. В., что он мне говорил, создавая этим статьи философско-научного характера. Ходя по комнате, назад руки, А. В. имел великое дарование непрерывно, не сбиваясь с мысли, говорить экспромтом, не имея под руками никаких положительных пособий, так что я едва успевал записывать слова Анатолия Васильевича. Работал я у него после дневных занятий в земстве, вечерами, часа по два-три в вечер, получая за это от тридцати до сорока копеек в час»⁶⁴.

Безыскусные высказывания жителей Тотьмы дают представление о Луначарском — человеке большого душевного обаяния, простым и непритворливым в домашней обстановке, приветливым и общительным в отношениях с товарищами.

«Я познакомилась с Анатолием Васильевичем и его женой Анной Александровной, когда они жили по Советской улице (бывшей Сретенской) в доме Упадышевой, — вспоминает А. Дудина, бывшая машинистка земской управы. — Занимали они две небольшие комнаты и кухню. Обставлены комнаты были просто, но уютно <...> В материальном отношении жили они довольно хорошо. Стол имели в клубе. Жена его всегда хорошо одевалась, любила кататься на извозчике. Жили они очень дружно. Анна Александровна участвовала с успехом в любительских спектаклях в клубе, там мы с ней играли в следующих пьесах: „Не все коту масленица“ Островского, „На бойком месте“ и др. Анатолий Васильевич был нашим домашним режиссером, и мы часто с его женой с увлечением репетировали пьесы, а он нас поправлял»⁶⁵.

Нередко случалось, что во время работы, когда Луначарский диктовал статьи, раздавался стук в дверь: приходил полицейский, требуя, чтобы ссыльный немедленно шел к исправнику. «Анатолий Васильевич вставал, шел, и хорошо помню, что у него всегда при этом играла на лице презрительная улыбка и вырывались восклицания: „Ох, уж мне эта полиция“»⁶⁶.

В Тотемском музее хранится несколько расписок Луначарского, данных им исправнику. Имеются там и любопытные секретные рапорты полицейского надзирателя Кирикова, написанные крупными буквами. В них сей усердный служака сообщает «его высокоблагородию господину исправнику», с кем ведет знакомства поднадзорный, каково его поведение, где он бывает.

«Жизнь ведет вполне правильную, а не разгульную, — глубокомысленно замечает Кириков, — в квартире у себя занимается чтением книг и газет»⁶⁷. Последний рапорт датирован 12 февраля 1904 г.

Как рассказывает Луначарский, он быстро вошел в круг немногочисленной тотемской интеллигенции. Он хотел, по примеру прошлых лет, возобновить публичные выступления, но намерениям этим не суждено было осуществиться. Прибывший в Тотьму

ДОМ УПАДЫШЕВОЙ В ТОТЬМЕ. ЗДЕСЬ в 1903—1904 гг. ЖИЛ ЛУНАЧАРСКИЙ

Акварель Ф. М. Вахрушова, 1920-е годы

Краеведческий музей, г. Тотьма

новый исправник Траковский (ранее он был полицеймейстером в Вологде) решительно пресек всякие попытки сближения государственного преступника с жителями Тотьмы. Тотемские знакомые Луначарского, опасаясь преследования властей, боялись даже здороваться с ним при встрече на улице.

Сам Луначарский воздерживался от разговоров на политические темы с жителями Тотьмы. И все же привычка профессионального революционера-пропагандиста брала свое. Ю. Попова, в то время ученица женской гимназии, вспоминает, что от Луначарского она узнала «Марсельезу», «Похоронный марш» и другие революционные песни. Между тем срок ссылки подходил к концу, и Луначарский мог строить планы на будущее.

15 мая 1904 г. Луначарский был освобожден от полицейского надзора, ему вручили хранившиеся при деле документы, и он получил право уехать из Тотьмы⁶⁸. Он плыл пароходом по Сухоне до Вологды и там, перед тем как навсегда покинуть этот город, «прочитал перед многочисленной аудиторией, состоявшей преимущественно из ссыльных, доклад о вероятных перспективах революции»⁶⁹.

Из официальных документов Вологодского архива и Тотемского музея нельзя установить точную дату отъезда Луначарского из Тотьмы и Вологды. Но известно, что уже 4 июня 1904 г. Луначарский находился в Киеве и принимал участие в сходке социал-демократов за Днпром⁷⁰. Известно также, что из Вологды в Киев он ехал через Москву, где не имел права задерживаться. Предоставленная свобода была довольно относительной: ему было запрещено жить в столицах Российской империи в течение пяти лет со дня освобождения из ссылки. Об этом мы читаем в одном из официальных документов: «Московский генерал-губернатор предложением от 7 июля 1904 года за № 1691 (вход. № 9296—9 июля 1904 г.) поставил в известность московского обер-полицеймейстера, что министр внутренних дел признал необходимым по рассмотрении в особом совещании, образованном согласно ст. 34 положения о государственной охране, воспретить состоящему за государственное преступление под гласным надзором полиции в Вологодской губернии дворянину Анатолию Васильеву Луначарскому, по осво-

бождении его 15 мая 1904 с. г. от означенного надзора, жительство в некоторых местностях и в том числе в столицах и Московской губернии в течение 5 лет сроком по 15 мая 1909 г.»⁷¹.

Луначарский с радостью и волнением ехал в Киев. Там ждали его родные, друзья, товарищи по партии. В августе 1904 г. его имя уже появилось в «Киевских откликах» под театральными рецензиями. По вызову Центрального Комитета партии он едет в Смоленск, где пишет прокламацию по поводу убийства Плеве. А осенью мы застаем Луначарского уже в Париже. Далее первая встреча с В. И. Лениным, Женева, сотрудничество в большевистской газете «Вперед», бесчисленные статьи, рефераты, бои с меньшевиками... Россия шла навстречу своей первой революции.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 228.

² В главе «Мое партийное прошлое». См. А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. М., «Советская Россия», 1968, стр. 28—32.

³ А. Луначарский. Из вологодских воспоминаний.— «Север», Вологда, 1923, № 2.

⁴ И. Ермолаев. Мои воспоминания.— «Север», Вологда, 1923, № 3-4. Отмечая несомненные достоинства мемуаров И. Ермолаева, следует, однако, указать на их явно апологетический тон по отношению к А. Богданову. Редакция журнала «Север», публикуя «Мои воспоминания», оговорила в примечании свое несогласие с отдельными суждениями автора.

⁵ Так, например, Луначарский датирует окончание вологодской ссылки 1901 годом: «По окончании ссылки в 1901 году мы с женой поехали в Киев, где жила моя мать» (А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления, стр. 32). Это явная ошибка. В 1901 г. Луначарский женат не был, жил в Калужской губернии, ожидая приговора. Вологодская ссылка Луначарского началась в 1902 г. и закончилась в 1904 г.

⁶ Государственный архив Вологодской области (далее сокращенно АВО), ф. 129, ед. хр. 223, л. 1.

⁷ АВО, ф. 129, ед. хр. 223, л. 2. В заявлении на имя пристава 1-го стана Медынского уезда Луначарский указывает другую дату отъезда из села Полотняный Завод в Вологду — 24 января 1902 г. (Гос. архив Калужской обл., ф. 803, оп. 1, д. 240, л. 1).

⁸ Там же, л. 4.

⁹ См. в настоящ. томе статью «А. В. Луначарский и „московское дело“ 1899 г.».

¹⁰ АВО, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 540, лл. 1 и 2.

¹¹ В статье «Из вологодских воспоминаний» Луначарский рассказывает о том, как он присутствовал на заседании губернского земства, где блистал красноречием либерал В. А. Кудрявый. Обращение к отчетам губернской земской управы позволяет установить, что на этом заседании обсуждался вопрос об учреждении при кувшиновской больнице должности третьего врача.

¹² АВО, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 541, лл. 12 и 13.

¹³ В воспоминаниях «Ленин из красного мрамора» (1933 г.) Луначарский датирует первую встречу с Лениным весной 1904 г. (эта дата некритически повторяется во многих работах, например в книге А. Елкина «Луначарский», серия «Жизнь замечательных людей», М., 1967, стр. 40). Однако весной 1904 г. Луначарский находился в Тотье. За границу он выехал только осенью этого года. Ленин же весь 1904 год жил в Швейцарии и только в первых числах декабря посетил Париж. Тогда-то и произошло их первое знакомство.

¹⁴ И. Ермолаев. Мои воспоминания.— «Север», 1923, № 3-4, стр. 8.

¹⁵ Луначарский в статье 1924 г. «Дальше идти некуда» упоминает о том, что Бердяев, находясь в вологодской ссылке, «получил отпуск в Житомир, откуда потом вернулся в Вологду (см. А. В. Луначарский. Против идеализма. Этюды полемические. М., «Работник просвещения», 1924, стр. 157). В «делах» вологодского городского полицейского управления отмечено, что Бердяев «переведен на жительство в Житомир 10 апреля 1902 г.» (АВО, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 541, л. 5).

¹⁶ Там же, ф. 129, ед. хр. 223, л. 5.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 121, МЮ, 1899 г., д. 30, л. 137.

¹⁸ АВО, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 540, лл. 3 и 4; Гос. архив Кировской области, ф. 582, оп. 163, ед. хр. 120, лл. 1—3. (Документы из архива Кировской области выявлены и сообщены редакции М. М. Решетниковым.)

¹⁹ Там же, л. 5.

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ Архив ЗАГС г. Вологды. Церковные записи за 1902 г. Для вступления в брак Луначарскому потребовалось представить документы о своем семейном положении. В вологодской полиции их не было. Предполагалось, что они отправлены из Петербурга в Вятку. Поэтому 19 августа 1902 г. Луначарский шлет телеграмму вятскому губернатору: «Прошу выслать документы вологодскому полицеймейстеру. Женюсь. Если не у вас, телеграфируйте». А через день посылает вторую телеграмму: «Прошу удостове-

рить вологодского полицеймейстера телеграммой согласно документам, что я холост» (Гос. архив Кировской обл., ф. 582, оп. 163, ед. хр. 120, лл. 6—7, сообщено М. М. Решетниковым).

²² И. Е р м о л а е в. Мои воспоминания. — «Север», 1923, № 3-4, стр. 9.

²³ Так характеризует Л. Князева безымянный корреспондент ярославской газеты «Северный край» в заметке 4 августа 1902 г.

²⁴ АВО, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 540, л. 9.

²⁵ ЦГАОР, ф. 124, МЮ, 1899 г., д. 30, л. 139.

²⁶ Там же, л. 142.

²⁷ «Северный край», 1902, № 326, 12 декабря.

²⁸ Там же, 1903, № 49, 23 февраля.

²⁹ АВО, ф. 108, ед. хр. 446, лл. 90, 104 и 110.

³⁰ Там же, ф. 108, ед. хр. 446, л. 168.

³¹ Там же, ф. 18, ед. хр. 809, л. 78.

³² «Северный край», 1903, № 18, 20 января.

³³ Там же, 1903, № 23, 25 января.

³⁴ Там же, 1903, № 27, 29 января. Псевдоним «Хмурый» принадлежал сотруднику редакции Ивану Ершову (см. И. Ф. М а с а н о в. Словарь псевдонимов, т. 3. М., 1958, стр. 216: т. 4, М., 1960, стр. 180).

³⁵ «Северный край», 1903, № 34, 6 февраля.

³⁶ Тотемский краеведческий музей (далее сокращенно ТКМ), фонд Луначарского.

³⁷ «1903 года февраля 19 дня нижеподписавшийся выдал настоящую расписку в том, что предписание г. вологодского губернатора от 15 февраля за № 329 мне объявлено — А. Л у н а ч а р с к и й» (ТКМ, фонд Луначарского.)

³⁸ А. В. Л у н а ч а р с к и й. Из вологодских воспоминаний. — «Север», 1923, № 2, стр. 3.

³⁹ Об этих прошениях говорится в отношении, посланном вице-губернатором Иславиным полицеймейстеру. Из него видно, что 11 марта пришел ответ министерства: просьба Луначарских была оставлена без последствий. 20 марта это известие было сообщено А. А. Луначарской, о чем в деле имеется ее расписка (АВО, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 539, л. 175).

⁴⁰ АВО, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 539, л. 179.

⁴¹ ТКМ, фонд Луначарского.

⁴² АВО, ф. 108, ед. хр. 493, л. 179.

⁴³ ТКМ, фонд Луначарского.

⁴⁴ АВО, ф. 108, ед. хр. 493, л. 221.

⁴⁵ Там же, л. 224.

⁴⁶ Там же, л. 226.

⁴⁷ Там же, л. 227.

⁴⁸ Там же, л. 293.

⁴⁹ Там же, л. 233.

⁵⁰ Там же, л. 295.

⁵¹ А. В. Л у н а ч а р с к и й. Из вологодских воспоминаний. — «Север», 1923, № 2, стр. 3.

⁵² АВО, ф. 18, ед. хр. 809, лл. 57—58.

⁵³ Там же, л. 59.

⁵⁴ Там же, л. 62.

⁵⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 66, стр. 666.

⁵⁶ АВО, ф. 18, ед. хр. 809, л. 62.

⁵⁷ Там же, л. 69.

⁵⁸ Там же, лл. 67—68.

⁵⁹ Там же, л. 72.

⁶⁰ Там же, л. 73.

⁶¹ А. В. Л у н а ч а р с к и й. Воспоминания и впечатления, стр. 31—32.

⁶² А. Л у н а ч а р с к и й. Диалог об искусстве. М., 1919, стр. 4.

⁶³ Петровская ремесленная школа в г. Тотьме ежегодно устраивала выставки работ своих учеников. 10 июня 1903 г., вскоре после возвращения из Вологды, куда он ездил с больной женой, эту выставку посетил Луначарский. Визитационная книга, где он расписался, представлена в экспозиции Тотемского краеведческого музея.

⁶⁴ ТКМ, фонд Луначарского.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ О снятии надзора с Луначарского сообщил вологодскому губернатору тотемский исправник (АВО, ф. 18, ед. хр. 809, л. 79).

⁶⁹ И. Е р м о л а е в. Мои воспоминания. — «Север», 1923, № 3-4, стр. 10.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 102, ДП ОО, 1909 г., № 5, ч. 84, л. 157.

⁷¹ Там же, ф. 63, МОО, 1899 г., д. 1494, л. 74.

НАРОДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ В КАЗЕННОМ ВИННОМ СКЛАДЕ В ГОРОДЕ ВОЛОГДЕ

22 ноября мне удалось побывать на народном увеселении, устроенном администрацией казенной винной монополии для своих рабочих.

Как известно, введение государственной монополии имело своей целью, между прочим, отрезвление русского простонародья, борьбу со страшным его бичом — пьянством. Устройство разумных развлечений было признано одним из целесообразных средств борьбы с кабаком, а спектакли заняли почетное место среди таких развлечений.

И конечно, кому же и прокладывать дорогу в этом направлении, как не самой монополии, этому огромному предприятию, выручающему сотни миллионов. В Швеции и Норвегии все деньги, получаемые государством из этого источника, идут исключительно на просветительные цели.

Вологодский казенный винный склад обладает, так сказать, американскими ресурсами: вас поразят огромные залы, полные электрического света, прекрасная театральная зала с благоустроенной сценой — вся практическая роскошь крупного капитализма. Необыкновенно приятное впечатление производит оркестр, составленный из своих же служащих, управляемый юношей-реалистом и старательно, довольно стройно исполняющий разные марши, вальсы и польки. Хорошо, что рабочую публику поят чаем в особой столовой. Наконец, и выбор пьесы и исполнение заслуживают одобрения.

Искусство имеет огромное значение. Художник расширяет наш жизненный опыт: он дает нам, так сказать, препарированную жизнь, заставляет пережить много чувств, передумать много дум, которые без него никогда не пришли бы сами в голову. Тенденция, мораль пьесы — не важна, важно именно то глубокое знакомство со всем разнообразием жизни, которое дает искусство. И театр является именно той формой искусства, которая наиболее приспособлена для завоевания внимания человека малокультурного. Какою книжкой с картинками дадите вы такое захватывающее, «всамделишное» впечатление?

Давали «На бойком месте» Островского. Содержание пьесы известно всем. Чрезвычайно любопытно было бы знать, на чью сторону склонились симпатии рабочей публики: на сторону ли благородного «барина» Миловидова и честной Аннушки или на сторону могучего Бессудного и его хитроумной, бойкой жены. Сила импонирует: мне показалось, что энергия Бессудного и жестокость Евгении вызывали порой одобрение. Не беда, хоть иной интеллигентный зритель и посчитал бы это безнравственным. Как ни благородны барин и Аннушка, но они слабые люди, которыми вертит случай и другие люди, а Бессудный с женой — что-то прочное, свежее. Забитому человеку недурно иной раз посочувствовать силе даже в грубой форме. Публика (рабочая) следила за пьесой с жадным вниманием. Правда, иногда она смеялась больше всего при восклицаниях: «Дьяволы этикие!», «Глазища, как у дьявола!» и т. п.; но дайте срок: дайте не два, а двадцать спектаклей, и театр заставит их думать так, как мы, может быть, уже разучились думать. Исполнение, как я говорил уже, было недурное. Г. Пахолков (Бессудный) был превосходно загримирован, г-жа Камаровская с чувством играла несчастную Аннушку, а тонкая и живая игра г-жи Красовской (Евгения) положительно сделала бы честь профессиональной артистке.

Но... Да есть и но! На афишке значилось: «Народный бесплатный спектакль». Народ же фигурировал на первом плане только на афишке. Три четверти зала заняты были интеллигенцией, которая могла бы видеть спектакль в другом месте. Рабочие (главным образом работницы) теснились сзади, почти все стоя!

Нельзя не пожелать, чтобы администрация исправила свою ошибку: количество стульев можно было бы уменьшить вдвое, а остальные места заставить скамьями. Простоять от 7 до 11 часов девушке не так-то легко, да и не нужно это. После спектакля предполагались танцы для рабочих.

А. Л.